

ДИПЛОМАТИЯ: КОММУНИКАЦИЯ И ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА

Риск нарушения дипломатии и
исторический контент

Риск нарушения (несоблюдения)

Во время Великого Восточного кризиса одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года, Россию остро интересовала позиция Германии, в случае, если Россия вступит в войну с Австро-Венгрией.

В то время Россия и Австро-Венгрия вели напряженные переговоры по поводу желания России ответить на насильственные покушения Османской империи в отношении славян. Германская сторона не хотела отвечать на этот запрос России, но узнала, что царь каждый день спрашивает о германском ответе.

В этой связи, Германия отправила генерала Фон Швайница поездом на частную встречу с царем. С своей стороны, Швайниц общался, так деликатно, как мог, однако, в любом случае, Германия не смогла гарантировать свой нейтралитет в случае войны, и что «длительное ослабление Австрии противоречило бы интересам [Германии]».

Канцлер Германии Отто фон Бисмарк считал, что это создает «новую ситуацию» в Европейской политике. Германия увеличила ожидания России относительно готовности Германии идти на войну от имени Австрии, и, возможно, снизила оценку Россией того, насколько Германия будет поддерживать российские цели в целом.

Согласно большинству теорий коммуникации между государствами, это должно было быть невозможно. Германия сообщила о своей позиции по дипломатическим каналам в частном порядке.

Таким образом, немецкие элиты не стали подставлять свою репутацию перед своим населением, и их действия не несли явных издержек, двух общепризнанных механизмов коммуникации.

Далее, неопределенные заявления Германии, вряд ли повысили репутацию перед российским и международным сообществом. Таким образом, теории коммуникации, которые опираются на закрепление репутации на переговорах, также не могут объяснить случай.

Почему заявления послов должны иметь воздействие?

Эта глава описывает механизм сигнализации, который объясняет этот и другие случаи.

Когда государство находится под угрозой, если оно не желает уступить, оно часто переориентирует свою внешнюю политику.

Государство может создавать новые альянсы, новые виды оружия, наносить первый удар противнику, мобилизовать войска или проводить политику, направленную на истощение ресурсов угрожающего государства. Все эти действия имеют последствия для угрожающего государства независимо от того, решит ли это государство следовать своей угрозе или нет.

В результате, когда есть опасность, что угрожаемое государство предпримет такие действия, государства создают угрозы только в тех случаях, когда затрагиваемые вопросы являются достаточно важными, или, иными словами, когда они достаточно решительны, чтобы добиться желаемого результата силой, если это необходимо. Следствием этого является заявления передачи информации.

Как мы видим, этот стратегический контекст может также привести к войнам, которые происходят по неожиданной причине: государства, которые полны решимости воевать, решают, что в их интересах не сообщать о своей решимости, даже если они могли бы, и даже если это предотвратило бы войну. То есть государства решают напасть врасплох, не осознавая того, что их цели могут быть достигнуты и с помощью дипломатии.

Это происходит при высокой решимости государства, что другое государство также решительно стремится к войне, и то, что второе государство не считает, что первое государство имеет высокий стимул на нападение.

В таких случаях, если первое государство сигнализирует о своем решении, существует высокая вероятность того, что другое государство будет готовиться к конфликту. Чтобы избежать такой вероятности, первое государство отказывается передавать свою решимость

другому. Однако иногда второе государство изъявляет желание выполнить требование первого государства, чтобы избежать войны.

Таким образом, в этой ситуации государства, преисполненные решимости, имитируют поведение нерешительных государств, чтобы заставить другую сторону неподготовленной. Это контрастирует с другими сигнализирующими моделями, где обычно колеблющиеся государства имитируют сигналы, посланные решительными государствами.

Этот второй момент аналогичен результатам, полученным из других современных моделей, которые начали расширять диапазон государственных средств за пределы тех, которые были задуманы в традиционных моделях ведения переговоров.

Ritter, Jeffrey Munro (в 2004 году защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете «Silent Partners and Other Essays on Alliance Politics») утверждает, что государства иногда делают свои союзы секретными, несмотря на недостаток с точки зрения сдерживания, чтобы предотвратить принятию потенциальными противниками контрмер.

Другие авторы статьи («Feigning Weakness» International Organization) Сланчев Branislav показывает, что, когда государство представляет другому государству ультиматум, тогда отвергнутые предложения приводят к конфликтам, для которых каждая сторона должна выбрать свой уровень усилий для преодоления.

Поскольку оптимальные усилия государств зависят от восприятия каждой стороной силы другой стороны, государства иногда имеют стимул делать предложения на до конфликтной стадии, скрывающие их истинную силу.

Приведенная ниже модель раскрывает аналогичную динамику в контексте дипломатических встреч в широком диапазоне от политики альянса до ядерной балансировки.

Эта глава состоит из пяти разделов.

Во-первых, автор, описывает стратегические варианты, доступные угрожаемому государству, которые выходят далеко за рамки бинарного выбора, чтобы соответствовать или не соответствовать традиционным моделям принуждения.

Во втором разделе представлена модель, которая позволяет государствам, которые находятся под угрозой, подготовиться к конфликтам и выбрать вариант быть вовлеченными в конфликте.

Когда эти подготовки эффективны, информативная бессистемная сигнализация происходит в правдоподобном равновесии (скажем так в балансе).

Еще обсуждаются условия, при которых сигнализация может быть эффективной, при которой происходят войны, которые могли бы предотвращены доступными, но неиспользованными сигналами.

Далее в третьем разделе рассматриваются последствия анализа, в четвертом – эмпирические гипотезы, вытекающие из модели, а в пятом – некоторые примеры этой динамики, вместе с тем, обсуждается эмпирическая запись.

Следующий очень важный аспект – это стратегический контекст (обстоятельства) анархии.

Общеизвестные модели в теории международных отношений утверждают, что стратегические варианты цели угрозы ограничены: они либо могут быть решительно жесткими или уступающими. Однако, эта концептуализация не соответствует средствам и намерениям государства в анархической международной среде.

Если государство приходит к выводу, что оно не может достичь своих ключевых стратегических целей через свои нынешние отношения с другим государством, оно может решить изменить данные отношения. В частности, вместо того, чтобы решить, отступить или не отступить, государства, которым угрожает опасность, должны решить, как подготовиться к конфликту, если они считают, что разрыв с угрожающим государством неизбежен.

В таких случаях государства часто переориентируют свою политику в области безопасности, чтобы истощить ресурсы угрожающего государства, они также стремятся образовать новые альянсы, которые противоречат интересам безопасности угрожающего государства.

Кроме того, когда цель угрозы считает, что конфликт неизбежен, то государство иногда увеличивает производство оружия, мобилизует войска или наносит первый удар.

Эти решения часто принимаются до того, как угрожающее государство решает отступить, или следовать своей угрозе и имеют последствия независимо от того, ввяжутся ли, в конечном итоге, вовлеченные государства в войну.

Чтобы проиллюстрировать стратегический выбор, доступный государству-цели, давайте вспомним, кризисные конфликты между США и Советским Союзом, которые произошли в июне в тысяче девятьсот шестьдесят первого года. Проще говоря, каждая сторона угрожала войной, если другая не примет решение, принятое в Берлине, выгодным для себя.

После встречи, Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев ответил принятием нового комплекса мер, направленных на истощение ресурсов Соединенных Штатов Америки. 1 августа он утвердил план КГБ с конкретной целью обеспечить истощение ресурсов США по всему миру, чтобы внимание США и ресурсы оказались недостаточными для предотвращения ситуации в Германии выгодной для советской стороны.

Со своей стороны, Кеннеди стал более серьезно относиться к идее нанесению ядерного удара первыми. Он сказал руководителям объединенного комитета, что «Берлинские события могут поставить нас перед ситуацией, когда мы, возможно, пожелаем взять на себя инициативу по эскалации конфликта от локального на общий [ядерный] уровень».

Таким образом, поскольку оба лидера не хотели отступать, они рассмотрели политику подготовки к конфликту, который, по их мнению, мог бы быть неизбежным.

В качестве альтернативы рассмотрим японское стратегическое поведение 1941-го года. В ноябре Соединенные Штаты потребовали, чтобы Япония вывела войска из Китая. Это было равносильно «потери своего статуса как державы на Дальнем Востоке». Япония не желала выполнять требования США, именно потому, что она сочла угрозы США заслуживающими доверия, и решила принять радикальные меры для подготовки к предстоящему конфликту.

В надежде продемонстрировать свою решимость к сопротивлению и на ограниченную войну с Соединенными Штатами, Япония решила уничтожить наступательный потенциал американского флота в Перл-Харборе.

История международных отношений полна примеров, когда государства реагировали на дипломатическое давление, выходящими далеко за рамки простого отказа выполнить требование.

Фактически, когда речь идет о важных вопросах безопасности, просто отказ от выполнения требований, скорее всего, является исключением, а не правилом.

Ответ Японии на политику США, Великобритании и Нидерландов в 1941 году является исключительным по масштабу и решительности.

В ответ на угрозы Австрии во время Крымской войны, Россия предприняла действия, которые она не предприняла бы при других обстоятельствах. Они включали в себя сговор с Францией и Сардинией, чтобы лишить Австрию Северной Италии, опрокидывая баланс с Германией в пользу Пруссии, позволяя революцию в Венгрии, которая привела к Австро-Венгерскому примирению.

Более спекулятивно, но со значительным основанием, историк Норман Рич утверждает, что австрийские угрозы во время Крымской войны привели к «горькой вражде, которая должна была завершиться войной в одна тысяча девятьсот четырнадцатом году, разрушением обоих императорских домов и ликвидацией Империи Габсбургов».

Особенно распространенным ответом на недовольство внешней политикой другой страны и ее предполагаемыми враждебными намерениями является перераспределение обязательств по альянсу.

Например, в 1864 году, Наполеон III пожелал использовать Европейскую конференцию для пересмотра соглашения одна тысяча восемьсот пятнадцатого года после наполеоновских войн.

Когда Великобритания, с которой Франция была тесно связана, отказалась поддержать конференцию, Наполеон откровенно заявил: «похоже, у нас не будет Конгресса. Хорошо! Значит, мне придется поменять своих союзников». После этого, согласованность в действиях этих двух стран закончилась.

Опасность перестройки великой державы в результате разрыва в российско-германских отношениях также объясняет информацию, изложенной в заявлениях Германии в 1876 году.

Обе стороны понимали, что даже молчаливая угроза со стороны Германии может привести Россию к созданию союза с Францией, главным соперником Германии со времен Франко – прусской войны шесть лет назад.

Тот факт, что Германия понимала опасность, но все же, предпочла молчаливо угрожать, означал, что Германия фактически сообщила о своей решимости защищать Австро–Венгрию.

Чтобы зафиксировать идеи и увидеть взаимосвязь между подготовкой к конфликту и коммуникацией, рассмотрим следующие примеры.

Модель, представленная в следующем разделе, призвана представить ситуации в стилизованном виде. Эти нарративы иллюстрируют, что сигнальные динамики могут быть схожей в разнообразных стратегических контекстах.

Ниже приведены примеры для более точного ознакомления данного раздела.

Первый пример. Внешнебалансирование. Конфликт возникает между двумя государствами, по конкретному вопросу, возьмем их как (Сигнализирующий и Цель).

Сигнализирующий желает передать свою готовность идти на войну посредством сигнала. Однако Сигнализирующему известно, что если вопрос особенно важен для цели, то последняя, может заключить союз с третьей страной, чтобы подготовиться к возможному конфликту.

В этом случае, цель предпочитает не идти на уступки третьему государству, и новый Альянс, Союз похоже может иметь негативное влияние на положение безопасности Сигнализирующего, особенно если третья страна уже имеет враждебную ситуацию с сигнализирующим государством. Поэтому создание угрозы имеет как преимущество, так и недостаток.

Преимущество заключается в том, что повышенная вероятность того, что цель уступит сигнализирующему; в этом случае, недостатком является возможность того, что цель будет «балансировать» против сигнализирующего, формируя враждебный Альянс. Как уже упоминалось, это было главной заботой в Германно-Российских отношениях после Франко-прусской войны.

Однако, если вопрос не является достаточно важным, то сигнализирующее государство не желает нести риск и портить отношения. В любом случае, когда государство (цель) отмечает угрозу, оно начинает изучать вопросы, относительно важные для угрожающего государства.

Второй пример. Как следует из названия (Внутренняя балансировка), этот сценарий аналогичен последнему, за исключением того, что основной стратегический вариант цели (главная забота угрожающего государства) состоит в том, чтобы передать ресурсы своему военному сектору, чтобы однажды, противостоять требованиям угрожающего государства.

Например, Китай в 1950 году принял решение о выделении дипломатических и материальных ресурсов для создания ядерного оружия, это могло быть результатом угроз США во время первого и второго кризисов в Тайваньском проливе.

Поскольку производство оружия меняет будущие переговорные отношения между странами, внутренняя сбалансированность государства, часто будет представлять собой существенное препятствие в создании угроз.

Третий пример. Первый удар. Если сигнализирующий угрожает цели, военно-стратегический контекст может быть таковым: если цель не желает отступать и считает, что сдерживающее государство также достаточно маловероятно отступить, лучшим вариантом для цели является ударить первым.

Как мы уже с вами отмечали, так было в Японии в одна тысяча сорок первом году. Это было также предметом беспокойства для президента США Кеннеди во время кубинского ракетного кризиса.

Президент Кеннеди признавал, что угроза США уничтожить ракеты на Кубе в течение четырех дней может привести к советской угрозе принять меры в течение трех дней, а также дальнейшей эскалации, которая может привести к ядерной войне в эти сроки.

Угрозы увеличивают вероятность того, что государство получит желаемое в отношении рассматриваемого вопроса, но также могут создать опасность того, что находящаяся под угрозой сторона начнет нежелательный военный конфликт. В очередной раз готовность сигнала нести такой риск, может вызвать угрозу для передачи информации.

Четвертый пример. Слишком затратное устрашение. Столкнувшись с угрозой, Цель может рассмотреть принятие политики, которая будет сдерживать угрожающее государство от нападения. Такая деятельность, например мобилизация сил на границе, может оказаться слишком дорогостоящей, чтобы проводить ее в течение длительного времени. Вместо поддержания высокого уровня подготовки, государство-цель может предпочесть начать войну.

Вы можете также подробнее ознакомиться с трудами Powella. В статье «Nuclear Brinkmanship with Two-Sided Incomplete Information». Анализируется стратегический контекст, приводящий к аналогичной динамике.

Пятый пример. Утечка ресурсов. Другие реакции государств на угрозы также могут иметь долгосрочные последствия для угрожающего государства. Государство может сделать выбор в пользу истощения ресурсов другого государства, с тем, чтобы добиться своей цели по конкретному вопросу, например, как это было с Советским Союзом после венских встреч в одна тысяча шестьдесят первом году.

Как и в примерах 1 и 4, риск того, что государство, которому угрожает опасность, предпримет такой курс, обеспечивает сдерживающее воздействие менее решительным государствам информировать о своей готовности вступить в конфликт, что делает возможным коммуникацию.

И последний шестой пример. Мобилизация. Когда находящееся под угрозой государство отказывается отступить и считает, что конфликт вероятен, оно может выбрать вариант мобилизации своих войск. Учитывая возможность того, что мобилизованное государство может пойти на войну, тем самым, передает информативную дипломатическую сигнализацию.

В каждом из этих нарративов решений, принимаемые объектом угрозы, когда речь идет о сопротивлении требованиям угрожающего государства, оказывают негативное влияние на безопасность Сигнализирующего.

Если цель выбирает, либо внутреннее, либо внешнее балансирование, даже если он решит не воевать, это будет на пользу сигнализирующему.

Когда увеличиваются возможности Цели, увеличивается вероятность того, что Цель решит объявить войну сама, и возможно это будет верным, когда Цель не будет рассматривать войну в ближайшем будущем.

В контексте русско-германских отношений в 1876 году Бисмарк был откровенен на этот счет. Даже молчаливая немецкая угроза России, утверждал он в одном внешнеполитическом циркуляре, «могла бы побудить [царя] к заключению ошибочных резолюций и союзов, которые были бы очень невыгодны для обеих сторон».

Не секрет, какое сочетание имел в виду Бисмарк; Франко-Российский союз имел бы значительные последствия для Германии, независимо от того, отступили ли бы немцы в 1876 году.

Внутреннее и внешнее балансирование со стороны цели негативно влияет на безопасность сигнализирующего, так как изменяет баланс сил между ними.

Если обе страны будут вовлечены в другой кризис в будущем, более слабое относительное положение Сигнализирующего, как правило, будет означать, что он с меньшей вероятностью добьется своего и с большей вероятностью плохо справится, если конфликт действительно разразится.

Могут существовать определенные условия, в которых государства безразличны к растущему потенциалу противника, они все чаще будут рассматривать такие события с понятной озабоченностью.

В модели, описанной в следующем разделе, автор допускает возможность того, что цель угрозы, начав затратную подготовку к войне, может начать ее. Это приводит к риску для принуждающего государства оказаться под угрозой другого государства. Даже если принуждающее государство отступит, другое государство может начать подготовку к войне и принять решение о ее ведении.